

2. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 45–84.
3. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М., 2002.
4. Wieviorka, M. Books [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ucm.es/info/isa/cv/cn_michel_wieviorka.htm.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КРИЗИС АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ

Донникова И. А. (Одесса, Украина)

Человечество переживает трансформации, специфика которых выражается не только в их «планетарности», но также и в том, что они охватывают глубинные, экзистенциально-сущностные основания человеческого бытия. В глобализацию вовлечен человек в его уникально-индивидуальном существовании, который *проживает* и *переживает* процесс глобализации. Это означает, что его последствия для человека не менее серьезны, чем для общностей людей. Между тем, глобализация осмысливается преимущественно в виде мегатенденций, в которых нивелируются, «растворяются» действия одного человека, способствуя распространению пессимистического мировосприятия, усилению переживания безнадежности ситуации и тщетности человеческих усилий. В связи с этим анализ антропологических аспектов глобализации представляется особенно актуальным.

В.Г. Табачковский, раскрывая амбивалентную перспективу универсализации человечества, выделил основные коллизии этого процесса и определил его эпицентром антропологический кризис [1, с. 22–34]. Одна из «болевых точек» – антропологический «комплекс сверхполноценности», сложившийся в западной цивилизации к XX веку и угрожающий «постоянным возникновением симулякров глобализации: проблемы, с которыми сталкиваются индивиды и общности – глобальные, а мировоззренческие интенции не выходят за границы глобализации локального» [1, с. 24]. Реализация «комплекса сверхполноценности» накладывает еще одну коллизию. Социокультурные особенности страны – «поводыря глобализации» демонстрируют не только межкультурную толерантность, но и не меньшую склонность к унификации. Это создает угрозу культурному разнообразию человечества как «живительной основе креативных способностей человека» [1, с. 25]. Наконец, самая серьезная глобализационная коллизия связана с угрозой «культурного империализма», порождающего экзистенциальное напряжение между культурами, когда господствующая культура одновременно вызывает и восторг, и отвращение. Диалог становится невозможным либо в силу категорического отказа от него, либо «оборачивается конфликтом, в котором сталкиваются не политические, военные или экономические факторы, а что-то более весомое –

символотворческая мощь противодействующих культур» [1, с. 28].

Для выявления стратегий преодоления антропологического кризиса, вызываемого глобализацией, представляется продуктивным проанализировать проблему в контексте парадигмы сложности. Исследуя сложность, Э. Морен выделяет две ее фундаментальные характеристики – холизм, т.е. соединение частей, которые образуют целое с новыми свойствами, и глубокие, нередуцируемые внутренние противоречия, которые не столько разрушают, сколько строят ее [2, с. 14]. Он отмечает, что холистический мир представляет собой «переплетение космофизической вселенной и антропосоциальной вселенной, где каждая порождает другую, всецело завися от другой; переплетение объекта-космоса и познающего субъекта, который появляется как событие в космическом становлении, но в тоже время в познании охватывает весь космос и порождает его в собственном видении» [2, с. 127]. Е.Н. Князева детализирует: сложность – это множество элементов, соединенных нетривиальными, оригинальными связями друг с другом; это внутреннее разнообразие элементов, которое делает ее гибкой, способной изменять свое поведение в зависимости от меняющейся ситуации; это многоуровневость (существует архитектура сложности); это эмерджентность – способность обновляться, продуцировать инновации [3, с. 41].

Антропосоциокультурная реальность создается не только космофизической вселенной. Она разворачивается из индивидуальных человеческих существований, соединяющихся друг с другом и создающих *антропологическую сложность* – сложность, порождаемую полисущностным человеком (В.Г. Табачковский). Полисущностность есть выражение эссенциально-экзистенциальной неопределенности и незавершенности человека, его принципиальной неустойчивости, способности к нелинейной самореализации, в ходе которой высвобождается и разрушительный и творческий потенциал. Полисущностный человек, решая проблему согласования сущности и существования, в основу своего бытия закладывает конфликт, в его бытии действует «закон нетождественности», принцип нарушенной симметрии, что допускает взаимодействие, взаимодополнение противоположного, «одного» и «другого» [4, с. 290].

Человек, который по своей сути порождает и живет в онтологическом конфликте, обречен на поиск путей и средств его преодоления. Тем самым, конфликт не только разъединяет и расщепляет его бытие, но может продуцировать новые ценностные связи, антропокультурные инновации. Принципиальная несводимость сущности человека ни к одному из ее проявлений оборачивается для него необходимостью сопряжения разных стратегий исследования мира, прежде всего, в индивидуальном существовании. Потенциально разрушительный конфликт требует культурогенных механизмов его сдерживания и стимулирования одновременно. Этот конфликт-контакт, который неминуем для человека, размывает границы своей и чужой культуры, культурного и бескультурного

(антикультурного) и одновременно требует сохранения принадлежности «Я» своей культуре.

Глобализация есть одновременно и контакт, и конфликт культур. Проблема совмещения разных культур, объединения людей как их «воплощений», готовых отстаивать свою самость, особо обостряется в личностном взаимодействии. Человек оказывается «на границе» культур, вовлеченным в потенциальную многовариантность событий, перед возможностями обновления и рисками самоутраты. Он погружается в состояние экзистенциальной неопределенности, когда обретенный им культурный опыт в соприкосновении с другой культурой не актуален в силу его принципиальной неприемлемости, а нового еще нет.

Вместе с тем, в межличностном / межкультурном диалоге возникает спровоцированная глобализацией культурная инновация – особая, эмерджентная маргинальность. Она выражается в преднамеренном «умалчивании», «неозвучивании» своей культуры ради возможности сотрудничества с другой. В этом «культурном молчании» образуется пространство толерантности, в котором люди могут обнаружить нечто новое для себя и новых себя путем символического «отречения» от своей культуры – отречения ради рождения нового. Это ситуация компромисса культур, в которой человек проявляет себя как культурная сложность, способная противоречия и конфликты трансформировать в творчество. Укорененность человека в своей культуре, настолько сильная, что может выражаться в открытом непринятии другой культуры, воспринимается им как проявление *всеобщности особенного*, характеризующее любую культуру и любого человека. Непонятность и чуждость уже не раздражают, а привлекают, интригуют, открывая человека для диалога.

Человечество переживает кризис глобализации, выражающийся в нарастании культурного однообразия. Но как в любом кризисе, в глобализации скрыта возможность обновления. Утрата человеком «мировоззренческой гравитации», вызывающая взаимное отторжение культур, может обернуться «мировоззренческой уверенностью», если будет сохранено богатство «голосов» во всечеловеческом культурном «ансамбле» [5, с. 334]. Преодоление кризиса антропологической сложности возможно через культурную инновацию, рождение которой должно произойти «снизу» – в индивидуальном бытии человека, продуцирующем уникальные формы общечеловеческого.

Литература и источники

1. Табачковський, В.Г. Світоглядно-антропологічні колізії процесу глобалізації // Людина і культура в умовах глобалізації. – Київ, 2003 – С. 22–34.
2. Морен, Э. Метод. Природа Природы – М., 2005.
3. Князева, Е.Н. Инновационная сложность: общая методология и способы организации когнитивных, коммуникативных, социальных систем // Инновационная сложность. – СПб, 2016. – С. 38–100.

4. Ковадло Г.П. Толерантність у конфлікті: суспільна практика та сучасні етичні обґрунтування поняття // Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного. – Київ, 2010. – С. 289–313.
5. Табачковський, В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності». – Київ, 2005.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ИНСТИТУТ СЕМЬИ И БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Дыдышко С. В. (Минск, Беларусь)

«Семья – это социальная единица, которая обеспечивает продолжение человеческого рода, которая первой появилась в процессе социализации общества; это единица, в которой взаимоотношения ее членов подчиняются определенным правилам, которая имеет свои биологические, психологические, экономические, социальные и юридические аспекты, и которая из поколения в поколение передает накопленные в обществе материальные и нравственные богатства» [1, с. 76].

Семья тесно связана с обществом, в котором она живет, с его экономикой, политикой, культурой, ориентирами. Но сегодня представления о семье претерпевают значительные изменения, так как каждая культура и каждое историческое время порождают определенную нормативную модель семьи. В современных условиях, несмотря на религиозные требования, все заметнее становится кризис семьи как социального института общества. Кризис выражается в том, что семья все хуже реализует свои основные функции: организацию супружеской жизни, воспроизводство населения, воспитание детей [2, с. 58].

Влияние глобализации на характер современной семьи приобретает специфический вид в силу социокультурных и социально-экономических условий развития белорусского общества. Семья постоянно видоизменяется и наполняется новым содержанием под влиянием происходящих в обществе процессов и изменений. Так какая она – современная семья в Беларуси? С какими трудностями сталкивается и какие проблемы решает?

После распада Советского Союза наметилась небольшая тенденция к, своего рода, европеизации семейного быта. Попытки быть похожими на западные семьи привели к переориентации семейных взаимоотношений. Но довольно сложное экономическое положение в середине 90-х да и последующих годах, а также низкая правовая культура и гражданское самосознание так и не позволили семье в Беларуси стать полноценным европейским семейством.

Однако при всем различии уровня социально-экономического, политического, культурно-исторического развития западных стран и нашего государства характер семейных проблем в Беларуси и Европе практически идентичен. Процесс глобализации способствует быстрому распространению новой идеологии семьи и семейных отношений, что и заставляет ученых и